

ЧЕЛЯБИНСК. Мрачный Петербург и гоголевская мистика

«Шинель» по пьесе Аси Волошиной, поставленная Денисом Хусниеровым в Челябинском драматическом театре имени Н. Орлова — удачный пример того, как экспериментальность и необычность постановки могут вписаться в пространство традиционного драматического театра, оживить его и даже несколько взбудоражить.

Денис Хусниеров закончил режиссерский курс Семена Спивака в Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. После стал режиссером камерной сцены Театра на Васильевском. Здесь помимо творческой реализации и поиска своего стиля Денису Хусниерову приходится соответство-

вать сложившейся и довольно консервативной репертуарной политике. При этом режиссеру не чужд дух эксперимента. Правда, экспериментировать пока удается только на альтернативных площадках типа Новой сцены Александринского театра и лабораторий.

ПРОГУЛКИ ПО ВОДЕ

Нереалистичский сценический мир спектакля «Шинель» окружен бездной тьмы, из которой зрители наблюдают за происходящим. Создатели постановки переносят их из Челябинска в параллельное метафизическое и, возможно, даже метапоэтическое пространство. Загадочности добавляют вибрирующее, движущееся отражение воды на потолке и, собствен-

Акакий Акакиевич — В. Зайцев

Матушка — Е. Девятова, Акакий Акакиевич — В. Зайцев

но, сама водная гладь, которой заполнен поворотный круг сцены (художник-постановщик **Николай Слободяник**, художник по свету **Евгений Ганзбург**).

В этой огромной питерской луже плавают калоши. В ней же в течение спектакля передвигаются, бегают и даже танцуют персонажи. Вода обрушивается на них и сверху в виде дождя, снега. Все это вместе с лиричной, проникновенной музыкой (композитор **Виталий Истомин**) создает не только питерскую атмосферу, но и усиливает ощущение грусти, тоски, безысходности. Вдруг вспоминается Бродский: «...слава Богу, зима. Значит, я никуда не вернулся...». И гоголевский сюжет превращается в трагедию вне времени и эпохи.

Повесть **Н.В. Гоголя** «Шинель» драматург Ася Волошина взяла только в качестве основы. Ее пьеса насыщена отсылками к другим произведениям Николая Васильевича («**Невский**

проспект», например), «**Медному всаднику**» **А.С. Пушкина**, к текстам **Андрея Белого** и **Александра Блока** о Петербурге. Сперва на сцене появляется неразлучная весь спектакль тройка персонажей, обозначенных в программке ведьмами. Они напоминают никогда не унывающую свиту Воланда из булгаковского романа, то превращаются в шекспировских ведьм-сестер. Правда, играют их в спектакле мужчины — **Александр Бауэр**, **Владислав Коченда** и **Степан Арефьев**, который недавно заменил в этой тройке **Михаила Гребня**. Тот, в свою очередь, был введен на роль Акакия Акакиевича вместо **Владимира Зайцева**. Вместе с вводом изменился и спектакль. Персонаж Владимира Зайцева был беззащитным, трогательным, чуть ли не сказочным, вызывающим желание пожалеть, защитить. У Михаила Гребня это образ в большей степени

Квартирная хозяйка Мавра — Е. Девятова, Значительное лицо — А. Мартынов

отчаянного, потерянного, несчастного человека.

Без шинели Акакий Акакиевич теряет свою внешнюю принадлежность к XIX веку. В своей помятой, затасканной рубашке и мешковатых серых брюках персонаж Михаила Гребня становится уже как будто нашим современником или человеком из недавнего советского прошлого. Немного неровной походкой он бредет по щиколотку в воде, словно пьяный от отчаяния, жизненной неустроенности, внутренней несобранности. Дыры в его старой шинели словно пробоины в израненной душе — тусклой, неслышной и невидимой.

Изъясняется Акакий Акакиевич одними и теми же короткими фразами, перечислением букв древнерусского алфавита, междометиями. Ровно как Эллочка Щукина Ильфа и Петрова, только в десятки раз трагичнее и ничуть не иронично. Чуть ли не самая длинная и час-

то повторяемая им «фраза»: «Живите! Мыслите! Слово! Твердо!» Скучный словарный запас, изъяснение восклицаниями делает его еще более жалким, бедным духовно и в то же время трагичным. Эта трагичность возвышает с позиции жертвы и беззащитного страдальца до безвинного мученика.

«Зачем вы меня обижаете?» — кричит Акакий Акакиевич, когда ведьмы, которые весь спектакль принимали разные обличья и искушали его, в итоге лишают главного счастья — новой шинели. И действительно — зачем? В чем его вина? В том, что он недалеко и слаб? В том, что живет в городе, мрачная среда которого не питательна для жизни, но, простите за каламбур, испытательна? В городе, пронизанном сплинотом, неустроенностью, а главное — несправедливостью. В стране, где власть имущие «значительные лица» (одно из таких «лиц» игра-

Ведьмы — М. Гребень, А. Бауэр, В. Коченда

ет **Алексей Мартынов**) не слышат и не видят народ, от власти этой страдающий. Тем трагичнее и мучительнее звучит предсмертный крик Акакия Акакиевича: «Прости меня, Господи!» За что он просит прощения? За то, что просто был и мечтал о «подруге-шинели»?

Господь не простит и не спасет его. Тогда дух погибшего Акакия Акакиевича явится в финале спектакля в виде огромной видеопроекции, которая постепенно будет заполняться морем алой крови, и произнесет страшный текст, смысл которого уже не доходит до сознания. Видишь только искаженное лицо и неприятно вздрагиваешь, невольно вспоминая Большого Брата Джорджа Оруэлла. Увеличенное на экране лицо Михаила Гребня пугает подвижной мимикой, искаженной гримасой и одновременно уставшим, отчаявшимся, не меняющимся, не много с поволокой взглядом.

ТРАГИЧЕСКОЕ ОТСУТВИЕ

Акакий Акакиевич в спектакле Дениса Хусниязрова лишен возможности испытать любовь. Мать его умерла, когда он был младенцем. Ни жены, ни подруги у него нет. Вернее, есть — подруга-шинель. У него есть «идея шинели». Это одновременно и идея счастья, и идея недостижимой любви, невозможности испытать простое человеческое тепло.

Все женские роли в спектакле исполняет **Екатерина Девятова**. Исполняет страстно, объемно, истово, отважно и красиво танцуя в холодной воде в одном исподнем (пластические сцены ставила хореограф, артистка Челябинского театра современного танца п/у Ольги Пона **Мария Грейф**). Потом актриса перевоплощается в жену вечно нетрезвого портного Петровича — создателя шинели-мечты и одновременно шинели-погибели (**Николай Ларионов**). В этой роли

Акакий Акакиевич — В. Зайцев

она стремительно меняет образ, из ведьмы превращаясь в любящую жену. После Екатерина Девятова неожиданно появляется в образе квартирной хозяйки Мавры, согбенной старушки, которая, кажется, единственная в этом страшном мире и принимает Акакия Акакиевича со всеми его странностями. А, может, даже любит. Ведь это она пойдет просить за него значительное лицо. Но не будет услышана...

В одном из интервью Денис Хусниязов утвердительно ответил на вопрос о том, действительно ли события, ставшие сюжетом постановки, с тем же успехом могли произойти не в Петербурге, а, скажем, в Челябинске. С одной стороны, с этим сложно согласиться, потому что очень уж точно передан в спектакле мрачный, страшный, убийственный и мистический дух нефасадной северной столицы, а не какого-то другого места.

С другой стороны, согласиться просто. В спектакле прослеживается неявная... не мысль даже — ощущение незащищенности человека в своем государстве, отсутствия родины. Николаевская ли, дореволюционная или путинская Россия, Советский ли Союз — всё одно. Везде это трагическое отсутствие чего-то жизненно необходимого, жизненно важного, не поддающегося выражению словами... Любви?

Горькое послевкусие оставляет «Шинель» Дениса Хусниязова. И после спектакля ужасно хочется эскимо, которым в какой-то момент ведьмы угощают Акакия Акакиевича. Или уж сразу шампанского, которое они же распивают из жестяных кружек незадолго до гибели главного героя.

Екатерина СЫРЦЕВА
Фото Александра СОКОЛОВА